

От региональной интеграции Центральной Азии к Евразийскому интеграционному пространству? Меняющаяся динамика постсоветского регионализма

И. Корабоев

Икболжон Корабоев – аспирант Университета Тулузы 1. Стажируется в Центре сравнительных исследований региональной интеграции (UNU-CRIS) Университета ООН в Брюгге, Бельгия. Получил степень магистра в области международного права (2001) и степень магистра в области европейского права (2004) в Университете Монпелье 1, степень бакалавра в области международных отношений получил в Университете мировой экономики и дипломатии в Ташкенте, Узбекистан. Специализируется на вопросах регионализма и регионального порядка в Центральной Азии.
E-mail: iqoraboyev@cris.unu.edu.

Целью этой статьи является анализ некоторых аспектов теорий центральноазиатского регионализма, предложенных международным эпис-темическим сообществом специалистов в этой области. Прежде всего, современный регионализм будет рассмотрен в статье как феномен и как область знаний. Кроме того, в ходе статьи будет также разобрана аналитическая основа регионального порядка. Вторая часть вкратце познакомит с постсоветским и центральноазиатским регионализмом. Затем автор попытается доказать, что аналитическая основа, представленная в первой части статьи, должна применяться к Центральной Азии, чтобы процессы регионализма там обрели смысл. В заключение приведем несколько доводов в пользу того, что мы должны перейти от споров о региональной интеграции Центральной Азии к дискуссиям о Евразийском интеграционном пространстве.

Введение¹

Эта статья берет начало из диалога между современными теориями регионализма и эмпирическими событиями постсоветского регионализма. Регионализм как область знаний породил внушительную массу литерату-

¹ Эта статья была подготовлена в ходе исследовательской работы в Центре сравнительных исследований региональной интеграции (UNU-CRIS) Университета ООН в городе Брюгге, Бельгия. Автор выражает благодарность Люку Ван Ландженхов, Филиппу де Ломберде, Джованни Молано Круз, Соне Шредер, Эммануэль Фанта и всей команде UNU-CRIS за ценные советы и комментарии в ходе написания статьи. Кроме того, хочу поблагодарить Евгения Винокурова, Гульназ Имамниязову, Октавиана Русу и анонимного рецензента ежегодника *Eurasian Integration Yearbook* за их комментарии и предложения.

ры о том, как осмыслить региональные процессы и тенденции в различных частях мира. Он также сыграл не последнюю роль в позиционировании систем регионального управления в качестве адекватного альтернативного пути в продолжающемся поиске миропорядка. С другой стороны, региональные процессы на постсоветском пространстве носят достаточно объемный характер. Можно сказать, что межгосударственные связи на пространствах этого нового региона изначально носили региональный характер. В настоящее время в этом регионе базируется несколько региональных организаций, как успешно функционирующих, так потерпевших неудачу. Этот регион может внести существенный вклад в изучение регионализма. Однако на протяжении определенного времени исследование регионализма и постсоветские изыскания развивались в относительной изоляции друг от друга. Одна из основных причин этого – преобладание подхода традиционного равновесия сил и изучение постсоветского пространства через геополитическую призму (Buzan, Wæver, 2003; Толипов, 2004). Сближение теорий регионализма и постсоветского пространства принесет пользу обоим направлениям. Изыскания регионализма в этом случае смогут быть проверены постсоветским опытом. А последний положительно скажется на разработке новых теоретических и методологических инструментов для дальнейшего исследования регионализма. Постсоветское пространство извлечет также и другую выгоду от исследований регионализма, поскольку подавляющий акцент на геополитические инструменты и историю «Большой игры» препятствует анализу многих крайне интересных региональных процессов. Он также тщательно оберегает подход, основанный на власти, и препятствует любым дискуссиям о нормативных предпосылках постсоветского регионализма.

В первой части этой статьи будет представлена аналитическая основа регионального порядка, которая строится на современных исследованиях регионализма. Вторая часть начнется с краткого изложения того, как регионализм Центральной Азии рассматривается в литературе. Далее последует переоценка современного постсоветского регионализма, базирующаяся на концепциях основы регионального порядка, представленной в первой части. В частности, мы попытаемся определить, насколько значительным изменениям подвергались идеи о региональной принадлежности и региональном порядке в ходе дискуссий о Евразийском интеграционном пространстве. В завершение статьи приведены несколько примеров, позволяющие сместить фокус с центральноазиатской региональной интеграции к евразийскому региональному порядку.

1. Региональный порядок: аналитическая основа для динамического мира регионов

Регионализм как феномен и как область знаний

В современной международной науке внимание региональным процессам уделялось с послевоенного времени, когда развитие получили различные проекты, нацеленные на региональное управление экономикой и безопасностью. Все региональные инициативы были классифицированы как несколько волн в соответствии с их хронологической последователь-

ностью². Эти проекты стали основой для исследований регионализма, богатой и теоретически инновационной литературы, расположившейся на перекрестке права, международных отношений и международной политэкономии (Cerexhe, 2003; SFDI, 1976; Fawcett, Hurrell, 1995; Farrell, Hettne, Van Langenhove, 2005; Cooper, Hughes, De Lombaerde, 2008).

Регионализм был определен как «проект, инициированный государством или государствами, нацеленный на реорганизацию определенного регионального пространства в соответствии с определенными экономическими и политическими направлениями» (Gamble, Payne, 1996). Основными концепциями для формирования представления об этом феномене стали концепции региональной интеграции и системы безопасности. Методологически эти представления также основывались на количественном анализе трансграничного взаимодействия в области экономики и безопасности (см. Balassa, 1962; Haas, 1975; Deutsch et al, 1957). Одной из заметных особенностей этих исследований стала их зависимость от европейского опыта построения обобщений и теорий (De Lombaerde et al). Исследования регионализма также пережили период сомнений, во время которого один из ведущих специалистов в этой области заявил о моральном износе теории региональной интеграции (Haas, 1975).

С момента окончания холодной войны интерес к исследованиям регионализма вновь набрал силу. Недавние изыскания в области регионализма пытаются преодолеть так называемый евроцентризм, подвергая сомнению основные принципы этой отрасли знаний, а также сосредоточивая внимание на опыте других регионов мира (De Lombaerde et al; Farrell, Langenhove, 2005; Acharya, Johnston, 2007). Современные исследования также стали применять конструктивистские и количественные методы изучения регионального феномена, рассматривая регионы как социально созданный феномен. Процессы регионализма состоят из различных логических и рациональных схем (Hurrell, 2007). С этой точки зрения регионы не рассматриваются как нечто само собой разумеющееся. Термины вроде «регион», «комплекс безопасности» и «региональная интеграция» относятся не только к статической ситуации или конечному результату. Они также могут иметь в виду и структуру для изучения процессов и тенденций, приводящих к этой ситуации (Acharya, 2000). Оценка регионализма с динамической и конструктивной точки зрения дает возможность изучать регионалистские идеи и рассуждения, нормы и институты, исторические и субъективные измерения регионов. Изучение возможностей построения региона изнутри представляет собой одну из главных тем для исследований. В исследовании регионализма эндогенные факторы имеют более важную роль, нежели экзогенные. Эндогенное построение региона открывает перед регионами различные возможности, не требуя при этом построения системы гегемонизма (Acharya, 2007). Процессы, ведущие к региональной консолидации, не обязательно должны следовать однолинейному поступательному движению. Нет единого пути для успешного регионализма, равно как и достижения одних и тех же целей. Конечная

² О волнах регионализма см.: Mansfeld и Milner, 1999; о регионализме в сфере безопасности, см.: Fawcett в Kössler и Zimtek, 2008. О различных периодах в исследованиях регионализма, см. Acharya и Johnston, 2007.

цель, тот ожидаемый конечный результат процессов регионализма может различаться и эволюционировать во времени и пространстве (Van Langenhove, Marchesi, 2008).

Регионализм и региональный порядок

Понятие порядка определяется как «система, которая приводит к определенным результатам и организации социальной жизни таким образом, чтобы она благоприятствовала достижению определенных целей и ценностей» (Bull, 1977). Либо как «набор более или менее согласованных и стабильных принципов, правил и практик, которые перенимаются заинтересованными сторонами, и следование которым гарантируется системой санкций» (Moreau Defarges, 1998). По существу, порядок по большей части рассматривался как трехсторонняя концепция, основанная на общих характеристиках и ценностях; на принятом распределении позиций, сил и институтов (Moreau Defarges, 1998) или на общих интересах и правилах (Bull, 1977). В исследованиях регионализма региональный порядок рассматривался как метод разрешения конфликтов, существующих в различных регионах (Lake, Morgan, 1997), или же как условие для результатов различных региональных процессов, направленных на установление мирового порядка и отношений между регионализмом и глобальной сценой (Gamble and Payne, 1996).

Последние исследования попытались предложить более продуманные модели регионального порядка. К примеру, Алагаппа и его коллеги взяли за основу концепцию мирового порядка Хедли Булла и разработали аналитическую основу для международного порядка. По данным Алагаппа, «международный порядок является официальным и неофициальным соглашением, поддерживающим основанное на нормах закона взаимодействие между суверенными штатами для достижения их личных или коллективных целей» (Alagappa, 2003). Несмотря на использование такого прилагательного, как «международный», аналитическая основа Алагаппа и его коллег имеет региональный характер: их базовая структура создавалась на примере Азии. Позднее Ачария проанализировал, как государства определенного региона строят региональный порядок. Критикуя подходы, в соответствии с которыми слабые государства одного региона связаны с внешними силами, он определил несколько направлений, по которым региональный порядок строится эндогенным способом (Acharya, 2007). На практике концепция регионального порядка применялась в изучении региона Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. Эвелин Гох изучала региональные взаимодействия Юго-Восточной Азии, основываясь на теории регионального порядка: ее исследование фокусировалось на том, «как развиваются межгосударственные отношения в рамках общеизвестных путей и моделей, которые ограничивают непредсказуемость и стабилизируют ожидания задействованных государств». В частности, в ходе исследования было выяснено, «как оговариваются роли и позиции государств» в регионах (Goh, 2007). На постсоветском пространстве концепцию регионального порядка также использовал Казанцев, чтобы обратиться к системе взаимосвязей нескольких государств (центрально-

азиатских) с внешними силами, где предложение о региональном порядке вносится внешними игроками (Казанцев, 2008).

Классический общественный аспект институтов и регионализма

Текущая ситуация с международным порядком порождает все больший интерес к теме регионализма. Старый порядок, который управлял международной политикой во II половине XX века, строился на биполярной основе, где поведение двух супердержав определяло состояние международных дел. Этот порядок пришел к концу вместе с окончанием холодной войны и распадом одной из этих двух противодействующих держав – Советского Союза. С тех пор мы живем в периоде, определяемом некоторыми учеными как «междущарствие». По мнению Георга Соренсена, междущарствие представляет собой период, когда некоторые элементы старого порядка еще продолжают существовать, но новый стабильный порядок еще не образовался (Sorensen, 2006). Междущарствие не есть удовлетворительный статус-кво, оно характеризуется поиском и стремлением к новому порядку. Региональные организации начинают играть все более важную роль в этом поиске порядка. Саммиты и встречи региональных организаций создают возможности для их участников обсуждать и формулировать их видение международного и регионального порядка, а также сообщать о них международному сообществу. И здесь аспект классической агоры (*classical agora*) региональных институтов выходит на передний план. По мнению Яна Клабберса, международные организации всегда отличались наличием двух аспектов – управленческого и классического общественного. Первый аспект есть воплощение видения международной организации, сосредоточенной на определенной задаче, а именно на решении общих проблем, устранение которых может сделать мир лучше. Именно этот «ориентированный на управление, функционалистский и прогрессивный» подход преобладал в анализе феномена международных организаций. Второй аспект основывается на видении международных институтов в качестве «общественного места собраний: общественной сферы, где можно обсуждать международные проблемы». Международные институты рассматриваются в качестве «коллективного органа, где государства могут встречаться, обмениваться идеями и обсуждать их общее будущее». Эти два аспекта международных организаций всегда сосуществовали в своеобразной диалектической манере, дополняя и критикуя друг друга (Klabbers, 2005).

Общественный аспект институтов присутствует в исследованиях регионализма как с точки зрения Европы, так и Азии. Согласно Амитаву Акарии значение Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) кроется не в способности организации создать ориентированную на управление региональную структуру подобно той, что существует в Европе. О значимости АСЕАН нужно судить, опираясь на тот факт, что эта ассоциация создала рамочную структуру, в которой государства Юго-Восточной Азии смогли собраться вместе и обсудить как международные, так и региональные вопросы, а также высказать свою точку зрения. Она позволила начать дискуссию о преимуществах региональной идентичности и регионально-го порядка (Acharya, 2000). Недавно запущенные в Европе исследова-

тельские программы изучают способность европейских институтов четко сформулировать видение как глобального, так и регионального порядка, основываясь на многосторонних и нормативных предпосылках (см. проекты EU-GRASP и MERCURY). Дискуссии и прения вокруг региональных институтов и в них самих помогают государствам озвучить свои собственные позиции в отношении мировых и региональных вопросов, отражая культурное разнообразие мира и давая толчок нормативным изменениям в мировом сообществе (Hurrell, 2007).

Регионализм как институционализированное стремление к порядку

Теоретические и эмпирические исследования подчеркивают важность идей, принципов и правил в создании и поддержании регионального порядка. С этой точки зрения регионализм может быть рассмотрен в качестве набора институционализированных процессов, в рамках которых осуществляется процесс поиска регионального порядка³. Рассматривая регионализм как поиск порядка, необходимо обращать внимание на идеи и представления об идентичности и нормативный собственный образ каждого участника и региональных организаций, а также рассуждения о региональной принадлежности. Кроме того, такой подход подчеркивает разнообразие норм и путей достижения регионального порядка.

Предназначение и региональная идентичность

Современные исследования регионализма придают большое значение комплексной и изменчивой природе предназначения регионализма. Слово «предназначение» в этом случае используется, чтобы обозначить «идеальный конечный результат интеграции», к которому должны привести региональные интеграционные процессы (Van Langenhove, Marchesi, 2008). Достижение экономической интеграции нескольких государств – не единственная цель, которую преследуют региональные инициативы. Обеспечение регионального управления общественными интересами или достижение статуса участника международных отношений также фигурируют среди основных задач регионализма (Van Langenhove, Marchesi, 2008). Выделение этих различий совершенно необходимо для анализа и сравнения региональных процессов по всему миру. В частности, фокусируя внимание на регионализме, в качестве силы, действующей на международной арене, необходимо детально изучить концепцию региональной идентичности. Последняя помогает привлечь во внимание тех региональных участников, которые пытаются как сформулировать свою собственную позицию в международной области, так и осмыслить позицию своих коллег. Описательный подход к регионам, фокусирующийся на их физических, социальных и культурных особенностях, не подходит для объяснения динамики регионального акторства. Физические характеристики регионов не должны примешиваться к нормативному имиджу, который регионы создают и используют для себя (Paasi, 2009). Эти нормативные «самоимиджи» и долгосрочные стратегии развития региональных органи-

³ Понятие «институты» в литературе о международных отношениях используется как для обозначения международных организаций (Schermer и Blokker, 2004), так и для обозначения определенного набора привычек и практик, направленных на реализацию общих целей (Bull, 1977). В данной статье понятие «институт» используется в своем первом, ограниченном значении, относящемся к международным организациям.

заций играют существенную роль в формировании и определении природы и поведения региональных институтов и стран-участниц на внутреннем, региональном и глобальном уровнях (Acharya, 1997; Beeson, Jayasuriya, 1998; Beeson, 2005; Paasi, 2009). Акцент на региональной идентичности подразумевает также существенные дебаты о политике включения и исключения в рамках региональных структур, а также рассуждения на тему региональной принадлежности и непринадлежности.

Нормы и пути регионального порядка

Идея порядка предполагает, что поведение акторов укладывается в более или менее стабильные правила и принципы. Значительная часть споров о региональном порядке касается определения основных норм, которые должны направлять поведение участников региональных организаций как по отношению друг к другу, так и к остальному миру. Инициативы регионализма зачастую рассматриваются как основы, которые распространяются за пределы логики власти и гегемонии. Они дают возможность строить отношения между определенным количеством государств на основе принципов демократии и равенства (Hettne, 2008). Однако необходимость обеспечения согласованных совместных действий требует проведения переговоров о распределении ролей и ответственности между этими государствами. Такие переговоры также затрагивают и пути, ведущие к желаемым параметрам регионального порядка. В зависимости от природы задачи, возможностей и нормативных политических взглядов стран-участниц результаты подобных переговоров несут элементы более или менее дифференцированной иерархии (Lake, 2009; Goh, 2007). Наличие иерархии ставит вопрос об активной субъектности (agency). Кто в системе иерархии будет выступать в этой роли? Одна группа исследователей приписывает эту роль более сильным государствам, а более слабые страны получают свои роли и пожинают плоды регионального порядка, установленного крупными державами (Ikenberry, 2001; Lake, 2009). Другие видят в роли субъектов именно более слабые или меньшие государства, поскольку они имеют возможность противостоять, приспособливаться и даже видоизменять то давление, которое исходит от внешних влиятельных участников международных отношений (Acharya, 2003; Acharya, 2007). Вопрос иерархии также тесно связан с властью и влиянием. Заждется ли иерархическое положение одного влиятельного игрока только лишь на власти или же его доминирующая позиция обладает какой-то степенью легитимности и влияния среди других участников (Acharya, 2007; Lake, 2009). Другой важный блок литературы касается путей достижения регионального порядка. Суть и состояние межрегиональных отношений, равно как и преобладающих принципов поведения всего региона, определяет, будет ли процесс поиска регионального порядка идти по пути конфликта, сотрудничества или интеграции (Alagappa, 2003; Acharya, 2007).

2. Зарождающийся евразийский региональный порядок: динамика постсоветского регионализма

Постсоветское пространство отнюдь не является terra incognita в исследованиях регионализма. Интерес к этому явлению возник во время

создания нескольких региональных организаций, перегруппировавших некоторые постсоветские республики. К их числу относятся Содружество независимых государств (СНГ), ныне несуществующая Центрально-Азиатская организация сотрудничества (ЦАС), ГУАМ (объединившая Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ) и проект Единого экономического пространства. Это примеры институциональных попыток укрепить экономическую и политическую интеграцию стран, которые образовались после развала Советского Союза в 1991 году. Постсоветские государства также вовлечены в создание региональных институтов совместно с государствами, находящимися за пределами постсоветского пространства. Наиболее выдающимся примером такого сотрудничества является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая объединяет пять постсоветских государств (Казахстан, Кыргызстан, Россию, Таджикистан и Узбекистан) с Китаем.

Дискуссии о центральноазиатской региональной интеграции

Значительная часть этих споров вращается вокруг региона Центральной Азии, который объединяет пять постсоветских республик, а именно Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. С начала 1990-х годов, когда главы этих государств объявили о своем намерении создать центральноазиатский региональный интеграционный институт без участия внешних сил, к примеру, России или Китая, появилось очень много дискуссий о центральноазиатском регионализме. Однако спустя десятилетие политических и академических споров Центрально-Азиатская организация сотрудничества, на которую возлагались великие надежды, перестала существовать, так и не начав действовать. Это заставило некоторых исследователей центральноазиатского регионализма предположить о наличии центральноазиатской «региональной патологии отказа от сотрудничества» (*regional non-cooperation pathology*) (Spechler, 2000). В сочетании с описанием «страны почти победившего авторитаризма» (Panarin, 2000) Центральная Азия представлялась региональным пространством с крайне слабыми шансами стать интегрированным региональным звеном в мировом управлении.

После подобной оценки последующие исследования все чаще стали приходить к выводу, что региону необходимо привлечь внешних участников международных отношений (в основном Россию, Китай и США) в качестве геополитических претендентов на центральноазиатском региональном пространстве. Кроме того, исследования стали обращать внимание и на влияние таких отношений на эволюцию региона (Rumer et al., 2007; Flikke, Wilhelmsen, 2008). В соответствии с такой точкой зрения существование региональных организаций, отличных от ЦАС, в частности, таких как ЕврАзЭС, ОДКБ или ШОС, не противоречит идее о «региональной патологии отказа от сотрудничества» государств Центральной Азии (ЦА), поскольку этим региональным структурам недостает истинного смысла и содержания (Allison, 2008) и строятся они лишь для целей внешней политики (Pomfret, 2009). Кроме того, они также выполняют функцию политических согласований центральноазиатских государств с великими держава-

ми, окружающими регион, а также упорядочения их задач по сохранению и защите режима (Allison, 2008; Collins, 2009). Россия и Китай являются «чужими» по отношению к Центральноазиатскому региону (Tolipov, 2004), и эти организации – продукт посредничества внешних сил, направленного снаружи внутрь (Казанцев, 2008).

От региональной интеграции Центральной Азии к евразийскому региональному порядку?

В противоположность этим утверждениям основная идея настоящей статьи заключается в том, что существование ЕврАзЭС и других организаций является признаком более фундаментальных изменений, имеющих место на уровне региональности и региональной идентичности, как на постсоветском, так и на пространстве ЦА. Используя основные элементы стратегии регионального порядка, выделенные в первой части статьи, в дальнейшем мы выделим некоторые изменения в области идентичности, норм и путей достижения постсоветского регионального порядка, ставшие возможными благодаря созданию и эволюции ЕврАзЭС. Основная идея заключается в том, что создание ЕврАзЭС дало начало ряду процессов, которые иной раз характеризуются как Евразийское интеграционное пространство и могут привести к установлению нового регионального порядка на постсоветском пространстве. Этот региональный порядок еще не сформировался, но он основывается на различных идеях и обоснованиях в отличие от других постсоветских структур, таких как СНГ и Центральная Азия. Помимо однородности членства и географических границ евразийский региональный порядок формируется из различных процессов в СНГ и Центральной Азии, однако он не обязательно совпадает с ними во всех областях.

Что есть Евразийское интеграционное пространство?

Прежде всего, необходимо разъяснить само понятие Евразийского интеграционного пространства, поскольку эти слова могут относиться к различным феноменам в зависимости от контекста. Термины «Евразийское пространство» (Назарбаев, 2009) или «евразийская интеграция» (Vinokurov, 2008) часто используются для описания политических процессов на постсоветском пространстве. В данном случае этот термин отличается от более широкого понимания евразийской интеграции, которая в основном используется для установления трансконтинентальных связей между инфраструктурными и транспортными системами на всем Евразийском континенте (см. Emerson, Vinokurov, 2009). Она также отличается от идей «евразийства», к которым прибегает Россия в ходе споров об идентичности и наиболее ярким участником которых является Александр Дугин. Последний разработал сложную геополитическую теорию «евразийства» или «неоевразийства», основной идеей которой является псевдовечное противостояние Земли и Моря, теологическая конфронтация между материковой властью (представленной фактически Россией) и морской (в лице США) (Shlapentokh, 2007; см. также веб-сайт Дугина www.dugin.ru). В данной статье «евразийская идея» упоминается в связи с процессами ЕврАзЭС. Хотя Дугин говорит о Евразийском экономическом сообществе

как об инструменте для геополитической конфронтации, его взгляды не обязательно должны разделять основатели и участники ЕврАзЭС, которые поддерживают конструктивные отношения с Россией и США. Для них евразийство связано с необходимостью строить отношения сотрудничества, нежели противостояния сил.

Евразийское экономическое сообщество и Центральная Азия

ЕврАзЭС имеет четкую задачу построения общих таможенных границ среди стран-участниц (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан), разработки общих внешнеэкономической, тарифной и ценовой политики и других механизмов, необходимых для общего рынка. Договор об учреждении ЕврАзЭС был подписан 10 октября 2000 года в Астане. Этот договор стал наследником соглашения о создании Таможенного союза всех пяти участников ЕврАзЭС, инициированного в 1995 году. Центральноазиатская составляющая ЕврАзЭС очень значительная (Kazanstsev, 2008). Три из пяти стран-участниц являются центральноазиатскими. Россия примкнула к ЦАС в 2004 году, что привело к переформированию ЦАС в ЕврАзЭС в 2005-м. Что немаловажно, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев был, возможно, наиболее настойчивым и активным сподвижником идеи евразийской интеграции с начала 1990-х годов. Можно сказать, что, несмотря на схожесть причин вовлечения Беларуси и центральноазиатских стран в Евразийское интеграционное пространство, динамика их участия развивается в достаточной степени независимо. Будущее участия каждой из сторон зависит от их индивидуальных отношений с Россией, вследствие чего участие Беларуси не будет рассматриваться в этой статье. Автор сосредоточится на перспективах Центральной Азии в Евразийском интеграционном пространстве⁴. Внимание к дискуссиям в и вокруг ЕврАзЭС помогает выделить основные идеи и стремления, гарантирующие региональную интеграцию на постсоветском пространстве. Кроме того, очень интересно узнать, какому пути следует постсоветская интеграция.

Евразийское интеграционное пространство: новый динамический регион в мировой политике

Одним из благоприятных аспектов ЕврАзЭС по сравнению с другими постсоветскими проявлениями регионализма является способность этой организации сформулировать ясную и специфическую цель, а также создать относительно благодушный образ. Постепенно организация стала ассоциироваться с четкой конечной целью построения общего рынка, которое начинается с создания таможенной комиссии. Для сравнения, СНГ никогда не имело возможности подвести баланс между устремлениями и надеждами с одной стороны и реальностью с другой. Несмотря на официальные утверждения, что в один прекрасный день СНГ реинтегрирует постсоветское пространство, наблюдатели не без оснований указывают на отсутствие последовательности с самого момента создания организации. Прежде всего, с первого дня своего существования СНГ отождествля-

⁴ Подобная дифференциация приводится в движение и в случае с Организацией Договора коллективной безопасности (ОДКБ). Считается, что ОДКБ состоит из трех отдельных компонентов, объединяющихся вокруг России: Россия – Армения; Россия – Беларусь и Россия – Центральная Азия.

лось с тем, чем оно не является, а не с тем, для чего было создано (Tolirov, 1999). Уже в 1994 году Умирсерик Касенов заметил, что на самом деле СНГ было создано в качестве «механизма для цивилизованного развода (civilized divorce)». Кроме того, СНГ также стало укрытием для слишком многочисленных противоречивых, а порой и конфликтующих диад (Россия – Грузия, Россия – Украина, Армения – Азербайджан); центробежных подгрупп (так называемые страны ГУ(У)АМ); а также стран с ограничительным и жестким подходом к идее эффективной интеграции (Туркменистан, Украина и Узбекистан). Эти факторы могли привести к тому, что интеграция в СНГ осталась бы лишь на бумаге (Libman, 2008).

Что касается ЦАС, начало ее деятельности было отмечено обилием дискуссий о региональной интеграции, однако эволюция ее названия демонстрирует, что государства-участники колебались в выборе между сотрудничеством и интеграцией. Многие проекты ассоциируются с ЦАС и ее предшественниками. Однако лидеры никогда не были в состоянии договориться о приоритетных направлениях этих проектов, равно как и реализации согласованных проектов (Institute for Public Policy, 2007). Еще одним отсутствием последовательности в деятельности ЦАС, которое привело к трудностям с определением достижимой цели, стала связь организации со слишком многими идеями, включая балансирование с Россией, достижение единства центральноазиатских государств, интеграцию мировых рынков, безопасность в Афганистане, проблему Арала.

ЦАС была региональной организацией, сконцентрированной в основном на президентских саммитах. И в ходе этих саммитов ЦАС экономические вопросы меркли на фоне дискуссий о вызовах безопасности или экологических проблемах и энергетике. Организация была неспособна различать свои собственные цели и выстраивать их, что крайне негативно сказалось на целевом использовании ресурсов ЦАС, которые и без того уже были достаточно скудными. Более того, спустя почти два десятилетия дискуссий вокруг Центральной Азии имидж региона все еще ассоциируется с проблемами и отрицательным образом. Кроме всего прочего, само географическое обозначение Центральная Азия и другие названия (Большая Центральная Азия и т.д.) очень тесно связаны с внешними факторами безопасности, берущими свое начало в Афганистане. Альтернативное понятие, использовавшееся для определения региона Центральной Азии, зачастую путалось с понятием Великого Среднего Востока (The Greater Middle East). Другими словами, понятие «Центральная Азия» стало постоянным синонимом потенциального источника угрозы для части крупнейших стран Запада (Казанцев, 2008: 111; см. также Golunov, 2003).

ЕврАзЭС же отличалось от них обоих. Во-первых, его создание, несмотря на наличие других региональных организаций с частично совпадающим членством (СНГ, ЦАС, ШОС), объяснялось необходимостью для реальной интеграции (Примбетов, 2004). Чтобы избежать пути неэффективности, на который попали предшественники организации на постсоветском пространстве, сокращение спектра интеграционных задач стало одним из важнейших факторов, который определил успех Евразийского интеграционного пространства (Cherkasov, 2006). ЕврАзЭС также унаследо-

вало от СНГ, хотя и в более согласованном виде, идею многоскоростной интеграции. Концепция многоскоростной интеграции использовалась для описания СНГ. Однако эта концепция не отражает наличия различных подгрупп внутри СНГ (Bremmer and Bailes, 1998). Оно было структурой, состоящей не из многоскоростных интеграционных групп, а из нескольких центробежных групп и конфликтующих диад. В случае с ЕврАзЭС концепция многоскоростной интеграции более уместна, что подтверждается реальным стремлением Кыргызстана и Таджикистана присоединиться к Таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана, созданному в рамках Содружества, а также, по крайней мере, официально заявленным намерением союза помочь этим государствам реализовать свою цель присоединения к Таможенному союзу. ЕврАзЭС также сочетает стремление к модернизации (еврокомпонент) с заботами о стабильности (азиатский компонент), поглощающими внимание постсоветских государств Центральной Азии. Об этом говорил Назарбаев как об «очень серьезном принципе постсоветской эры», с «логическими истоками из всемирной практики», который «в конечном итоге завоеует сердца людей» (Brzezinski, Sullivan, 1997: 354). В результате, ЕврАзЭС считается самой многообещающей региональной интеграционной структурой в Евразии. Наряду с правительственными усилиями, несколько гражданских структур были созданы специально для продвижения евразийской идеи. Евразийский клуб ученых, Евразийский медиа-форум, Евразийская академия телевидения и радио, а также Евразийская ассоциация университетов предназначены для работы над формированием общего информационного пространства и созданием культурно-гуманитарного измерения евразийской интеграции. Евразийское сообщество основывается на равенстве, добровольности и прагматичном интересе (Назарбаев, 2009). Евразийская интеграция реальна, в то время как интеграция Центральной Азии все еще остается мифом (Дойче Велле, 2009).

Меняя региональную идентичность постсоветских стран

Вышеупомянутые непоследовательность и противоречивость СНГ и ЦАС привели к формированию региональной идентичности, ассоциирующейся с этими двумя организациями. СНГ в литературе описывается как неспособная организация, которой не хватает какой-либо реализации. Кроме того, изначально Содружество также рассматривалось как попытка России возродить Советский Союз. Заявления и мнения российских официальных лиц и аналитиков, в которых они приписывали постсоветской России имперские, неоимперские и гегемонистские великие стратегии, лишь подтвердили эту точку зрения (Tsimburski, 1993; Chubais, 2003; Trenin, 2006; Shlapentokh, 2007). Другим аспектом региональной идентичности СНГ является то, что она ассоциируется с фактическими и латентными конфликтами (Армения – Азербайджан, Грузия, Молдова и др.). ЦАС, в свою очередь, связана с понятием Центральной Азии как региона, скрывающего высокий потенциал конфликтов, или, по словам З. Бжезинского, кандидата на роль «евразийских Балкан» (Brzezinski, 1997). В литературе по регионализму Центральная Азия описывается как «слабый субкомплекс российского комплекса региональной безопасности»,

находящийся под сильным геополитическим давлением (Buzan, Wæver, 2003), или как «пререгиональная зона, в которой США и Россия соревнуются за влияние» (см. Björn Hettne in Telo, 2007). В этой связи обе организации рассматривались как непоследовательные блоки без малейшего шанса на то, чтобы стать региональными или глобальными участниками международных отношений, и находящиеся в квазипостоянной конфликтной и нестабильной среде.

ЕврАзЭС в относительно меньшей степени страдает от подобного рода стереотипов в мировой политике. Во всех странах, составляющих ЕврАзЭС, отмечалось динамичное функционирование экономики (см. Кудрин, 2008). С точки зрения центральноазиатских государств, Евразийское интеграционное пространство как конечный результат представляет собой шанс на модернизацию и даже европеизацию. Некоторые казахстанские представители четко противопоставляют современную европейскую природу евразийской интеграции недоразвитой и конфликтующей коллекции «станов» (см. публикации Международного института современной политики Казахстана www.iimp.kz). Это помогает им создать имидж евразийских дуэтов, трио и даже квартетов, обладающих значительными активами, которые позволят им стать важным и влиятельным блоком в мировой экономике, а также стремиться к акторству.

Кто «чужой» среди центральноазиатских государств?

В ходе последнего опроса общественного мнения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), население постсоветских стран просили охарактеризовать степень дружелюбности других стран. По данным опроса, Россия была названа дружелюбной страной большинством населения центральноазиатских государств: Казахстан – 67%, Кыргызстан – 74%, Таджикистан – 89% и Узбекистан – 74%. Основная масса населения также положительно оценила возможность союза с Россией (ВЦИОМ, 2008). Этот опрос показал, что, несмотря на все центральноазиатские споры, Россия рассматривается как часть региона. Другой опрос общественного мнения, проведенный среди экспертов Центральной Азии, попытался определить, с какими странами центральноазиатские государства должны разрабатывать региональные проекты. 50% опрошенных назвали регионализм с Россией (ЕврАзЭС, ОБСЕ) приоритетным направлением для стран ЦА наряду с исключительно центральноазиатским регионализмом. Другие региональные группы, включая Китай, Турцию и другие мусульманские страны, набрали 5% и менее голосов экспертов (Абдрахманова). Эти данные подчеркивают необходимость поставить под вопрос установившуюся идею о том, что Россия (и продвижение ею идеи евразийства) считается внешним могущественным элементом, угрожающим идентичности Центральноазиатского региона.

Казахстан больше не считает себя исключительно центральноазиатским государством и все больше отстаивает свою евразийскую идентичность (Institute for Public Policy, 2007). Недавние формулировки, появившиеся как в официальных, так и научных кругах Казахстана, дают следующее объяснение. Казахстан считает себя страной, которая граничит с

Центральной Азией, но не является центральноазиатским государством (Назарбаева, 2003). Центральная Азия представляет собой регион, от которого исходят в основном лишь разные виды угроз, которые в итоге могут распространиться и на Казахстан (Жукеев, Касенова, 2007). Ориентация на Европу представляется единственным способом противостоять угрозам (см. программы «Казахстан-2030» и «Путь в Европу»). Для этого Казахстану нужна поддержка России. Последняя также поможет республике решить задачу с Китаем (Жукеев, Касенова, 2007). В то же время Казахстан рассматривает Центральную Азию в качестве платформы, где государство может поупражняться в международном лидерстве (Жукеев, Касенова, 2007). По данным наблюдателей, стремление к региональному лидерству и стратегия по построению своей международной позиции являются подлинными мотивами, скрывающимися за недавними предложениями страны по центральноазиатской региональной интеграции (Омаров, 2008). В этой связи термин «евразийский» гораздо лучше подходит для описания позиции Казахстана в мире, нежели «центральноазиатский» (см. публикации Международного института современной политики Казахстана). Более того, Казахстан сыграл ключевую роль во внедрении идей евразийства в споры вокруг ЕврАзЭС (Казанцев, 2008: 48). Подобное отделение республики от Центральной Азии может напомнить о том, что формула «Средняя Азия и Казахстан» все еще может быть вполне уместной (Казанцев, 2008: 50).

Для Кыргызстана Россия играет особенную роль как с точки зрения экономического и политического взаимодействия, так и с точки зрения общественного мнения. Стратегическое взаимодействие с Россией считается ключевой осью внешней политики Кыргызстана, в то время как установление общего рынка в рамках ЕврАзЭС является одним из долгосрочных интересов страны (концепция внешней политики Кыргызстана). Что немаловажно, считается, что Россия сыграла важную роль в формировании кыргызского государства. Кыргызские племена в первую очередь искали помощи у России в борьбе с экспансией джунгар с территории Китая на земли Центральной Азии в XVIII веке, что привело к установлению российского протектората над землями Киргизии. Позднее, когда царский режим в России был заменен властью Советов, на территории Киргизии была создана административная единица регионального уровня. По данным Аскара Акаева, первого президента независимого Кыргызстана, создание Киргизской автономной области в рамках Российской Советской Республики предотвратило этническое поглощение кыргызской нации другими народами и стало основой для формирования независимой Республики Кыргызстан в постсоветской эре. Советский период также расценивается как эра ренессанса в системе здравоохранения, культуре, образовании и науке. В этой связи недавние геополитические попытки исключить Россию из центральноазиатского региона были бы неведомыми и оторванными от реальностей региона (Акаев, 2003). Кроме того, Кыргызстан – это единственная страна ЦА, которая все еще поддерживает на официальном уровне тезис о добровольном присоединении кыргызских племен к России в XVIII–XIX веках (Казанцев, 2008).

Концепция евразийской интеграции имеет два аспекта привлекательности для Таджикистана. Первая причина непосредственно связана с вопросом о региональной идентичности и принадлежности. Таджикские авторы все чаще озвучивают беспокойства о непрестом и дискомфортном положении страны в рамках исключительно центральноазиатской интеграции (Abdullo, 2007). Помимо напряженных отношений Таджикистана с Узбекистаном, есть еще два основания для подобной позиции. Во-первых, Таджикистан рассматривает Центральную Азию в рамках понятия «Туркестан» и просто не может ассоциировать себя с этой концепцией. Принимая во внимание широкое распространение (не без помощи официальных кругов) утверждения о «геноциде таджикской нации узбеками», в рамках которого развитие тюркских народов рассматривается как угроза собственной идентичности, можно сказать, что это достаточно веская причина, способная помешать Таджикистану принять центральноазиатскую региональную идентичность (Masov, Djumaev, 1991). Такое восприятие привело к тому, что именно Узбекистан, а не Россия, как в случае с другими соседними республиками, играет роль «чужого», эдакого внешнего врага (Khudoinazar, 2005; Казанцев, 2008). Подобная постоянная озабоченность таджиков своей «этнической безопасностью» в большой степени предопределяет негативный ответ Таджикистана на любые дальнейшие попытки центральноазиатской интеграции (Regnum Agency, 2008). Подобно Кыргызстану, Таджикистан также рассматривает российское господство в Центральной Азии в качестве ключевого фактора, который предотвратил «реальную угрозу физического истребления таджикского народа» (Масов, 2003). Однако если советский период считается основным этапом в истории кыргызского государства, Таджикистан прослеживает свои корни вплоть до государства Саманидов, границы которого пролегли по некоторым частям Центральной Азии в IX–X веках и которым управляла таджикская (персидская) элита. По данным таджикских историков, во времена Саманидского государства Центральная Азия уже установила торговые отношения с Киевской Русью, в основном благодаря обменам между русскими и таджикскими торговцами (Масов, 2003). Вторая причина, которая подводит Таджикистан ближе к идеям евразийства, вполне прагматична. Таджикистану нужны широкомасштабные инвестиции. Однако вследствие ограниченного национального рынка и неблагоприятного географического и геоэкономического положения, а также гражданской войны, которая потрясла страну в начале постсоветской эры, государство оказалось в менее выигрышном положении для привлечения иностранных инвестиций. Фактически ни один из центральноазиатских соседей Таджикистана не может обеспечить страну необходимым капиталом. С этой точки зрения участие в евразийских инициативах поможет Таджикистану решить сразу две проблемы: предотвратить собственное превращение в таджикский анклав в подавляющем тюркском окружении, а также обрести надежду на российские инвестиции. Эти два фактора выдвигаются в качестве условий активного участия Таджикистана в рамках Евразийского интеграционного пространства: евразийская идея может быть принята Таджикистаном при условии, что она не будет ограничена тюрко-славянским союзом, а в случае «евразийства» не будет состоять

только лишь из идей и идеологии, а трансформируется в реальный поток инвестиций и экономическое, техническое и технологическое сотрудничество (Асадуллаев, 2010).

Как и следовало ожидать, имидж России в представлении других стран ЦА за пределами проекта евразийской интеграции не столь позитивен, как в представлении Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Туркменистан всегда был осторожен с тем, чтобы не раздражать Россию, но в то же время старался держаться подальше от региональных организаций, где доминировала Российская Федерация. России также приписывается имидж колонизатора и внешнего врага (Казанцев, 2008). Развитие отношений между Россией и Узбекистаном шло по более сложному пути. На заре постсоветской эры Узбекистан был одним из претендентов на региональную гегемонию (Bzezinski, 1997; Bohr, 2004) и соперником России в Центральной Азии (Казанцев, 2008). С другой стороны, в понимании узбекского народа Россия выступает в роли колонизатора. Однако эти условия должны оцениваться в сравнении с другими, более рациональными факторами. Представление о России не носит исключительно негативный характер. Россия также является источником инвестиций, направлением для миграции узбекских рабочих, а также гарантом безопасности в Центральной Азии. Благоклонное отношение Узбекистана и его граждан к России отмечалось в предыдущих параграфах статьи. Причины сложных взаимоотношений двух стран кроются в смеси идентичности и реалистичных перспектив. Узбекистан не считает себя евразийским государством. Страна всегда заявляла о своей азиатской и восточной идентичности. Во-вторых, для Узбекистана Россия представляет собой несомненного аутсайдера в Центральной Азии. Участие России в центральноазиатских структурах расценивается как аномалия и удар по региональности Центральной Азии (Толиров, 2005). В-третьих, Узбекистан видит региональную политику Центральной Азии в исключительно реалистическом свете и придерживается политики соотношения сил. Государство считает себя необходимым балансиром Центральноазиатского региона. По словам узбекских аналитиков, «осторожная позиция Ислама Каримова продиктована главным фактором – желанием удержать равновесие во взаимозависимой системе региональной безопасности, без чего невозможно обеспечить устойчивое внутреннее развитие государства. Роль некоего балансира выгодна многим (Азизова, Хасанов, 2001; Khasanov, 2005). По этой причине вовлечение России должно быть сбалансировано добрыми отношениями с другими силами. В то же время Россия могла бы сыграть роль элемента для соотношения сил. Этим объясняется временное вступление Узбекистана в ЕврАзЭС, равно как и намерение Узбекистана пригласить представителей США в качестве наблюдателей на саммит ШОС, который пройдет в этом году в Ташкенте.

Постсоветские перспективы суверенности, сотрудничества и многосторонних отношений

Различия между активными участниками интеграционных проектов (Казахстан, Кыргызстан и в какой-то мере Таджикистан) и теми, кто продемонстрировал сдержанную реакцию по отношению к проектам регио-

нализма (Туркменистан и Узбекистан) на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности, объясняются либо личными характеристиками лидеров республик, либо типом их режимов. Однако недавняя смена президентов в Кыргызстане и Туркменистане не привнесла ощутимых изменений в позиции этих стран по отношению к процессам региональной интеграции. С другой стороны, последние наблюдения указывают на растущее сходство между политическими системами этих стран, в которых тенденция к строгому президентскому режиму является общей для всех стран Центральной Азии (Торбаева, 2009). Что же кроется за разницей в подходах этих стран к региональному сотрудничеству и процессам интеграции? Ответ на этот вопрос может заключаться в едва видимых различиях, лежащих в основе перспектив этих стран в многосторонних отношениях вкупе с различным восприятием позиций индивидуальных акторов в региональном порядке.

Выбор между путями сотрудничества и интеграции зависит от позиции государств по отношению к суверенности. Сегодня мы дифференцировали взгляды стран евразийского/центральноазиатского пространства на суверенность. Узбекистан и Туркменистан придерживаются строгого и даже жесткого подхода к суверенности, в то время как позиции Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана более или менее мягкие и гибкие. Именно Узбекистан сыграл немаловажную роль в трансформации Центрально-Азиатского экономического союза в Центрально-Азиатскую организацию сотрудничества, тем самым подтвердив свое особое отношение к суверенности. Узбекистан неоднократно заявлял о своей позиции по отношению к межгосударственным отношениям, которые, согласно представителям страны, могут строиться на основе сотрудничества, не затрагивая суверенность государства. Приоритетом центральноазиатских межгосударственных отношений на постсоветском пространстве, по мнению Узбекистана, должна стать суверенизация (пресс-служба президента Узбекистана, 2002). Вследствие чего Узбекистан предпочтет регионализации интернационализацию в своих политических отношениях с соседями⁵. Это приводит к тому, что Узбекистан в основном полагается на двусторонние отношения с отдельно взятыми великими державами. Если Кыргызстан и Таджикистан решили принять участие в многосторонних структурах с существенным влиянием на суверенитет страны в силу слабых собственных возможностей и зависимости от доноров, то выбор Казахстана в пользу гибкой суверенности достаточно интересен.

Казахстан является крупнейшим экономическим и финансовым игроком в регионе. Помимо этого государство располагает существенными военными и технологическими возможностями. Однако страна выходит за рамки чисто реалистичных рассуждений и готова участвовать в структурах многостороннего сотрудничества с определенной степенью влияния на суверенность. Казахские представители часто озвучивают мнение, что «в современном мире роль международных организаций (сообществ) выше, чем раньше, и совершенно невозможно быть уверенным в будущем без укрепления многосторонних отношений» (Казахстанская правда,

⁵ О разнице между регионализацией и интернационализацией, см. Katzenstein, 2005.

2002). На постсоветском пространстве Казахстан с самого начала занял проактивную позицию по отношению к вопросам интеграции. В настоящее время государство участвует в формировании Таможенного союза с наднациональными прерогативами в рамках ЕврАзЭС.

Восприятие гегемонии и иерархии в евразийском региональном порядке

Гегемония России – установленный факт постсоветской эры. Успех постсоветской интеграции изначально зависел от двух взаимосвязанных факторов: до какой степени другие государства желали принять гегемонию России, и до какой степени Россия могла взять на себя обязанность быть двигателем модернизации для маленьких постсоветских стран. Несмотря на утверждение обратного, государства ЦА не рассматривают Россию только лишь как угрозу. Как уже было сказано в предыдущих разделах статьи, для них Россия представляет собой возможность продолжить процесс модернизации, который начался еще в советское время. Кроме того, они также ассоциируют Россию с развитием государственности и суверенности в своих странах. Россия рассматривается в качестве ключевого стратегического партнера Казахстана и играет важную роль в выполнении республикой ее долгосрочных проектов развития. Именно тесное сотрудничество и взаимодействие с Россией необходимы стране для достижения своей цели по вхождению в рейтинг 50-ти стран с наиболее конкурентоспособной экономикой в мире (Стратегия Азии, 2007). Казахстанский «путь в Европу» также лежит через Россию. Ориентируясь на Европу, Казахстан стремится подтолкнуть Россию в том же направлении (Жукеев и Касенова, 2007). В этом контексте обе страны становятся «взаимно связанными» в рамках как ЕврАзЭС, так и региона Центральной Азии (Стратегия Азии, 2007). В случае Кыргызстана и Таджикистана позитивный имидж России в представлении (официальной) общественности отмечался в предыдущем разделе статьи. В свете этого фактора вкпе с тем, что вплоть до недавнего времени Россия была единственным источником крупномасштабных инвестиций и кредитов для этих небольших стран с ограниченными природными ресурсами, гегемония Россия воспринимается менее негативно. Обе страны видят Россию как естественного лидера Евразии (Акаев, 2004; Асадуллаев, 2010). Будучи небольшими странами региона, и Кыргызстан, и Таджикистан больше опасаются внутрорегиональной гегемонии на примере Узбекистана и Казахстана (Bohr, 2004). Посему Россия – источник инвестиций в экономическое развитие, а также своего рода защитный элемент от Узбекистана и возможной гегемонии Казахстана. Это те самые два элемента, необходимые для поддержания суверенности этих стран.

Трансформирует ли это гегемонию России в иерархию с элементами власти и легитимности на Евразийском интеграционном пространстве (Lake, 2009)? С некоторыми оговорками кто-то сможет ответить положительно на этот вопрос. Если присутствие России имеет больше положительных последствий для стран Центральной Азии, оно все же не может быть приравнено к иерархии для России в регионе. Позиция стран такова: они примиряются с гегемонией России, но это не означает, что их выбор

продиктован российской стороной или отсутствием альтернативы. Как отмечается в работе Казанцева, некоторые внешние силы предлагают центральноазиатскому пространству несколько вариантов различного регионального порядка (Казанцев, 2008). В частности, появление нового порядка вокруг Китая вполне возможно в ближайшие годы (Galatova, 2007). Кроме того, они могут вывести формулу более или менее эффективного сопротивления региональным проектам с внешней стороны, как было в случае с реакцией республик ЦА на проект «Большая Центральная Азия», предложенный США. В дополнение, соседствуя с Россией в регионалистских проектах, эти государства также помогают ей обеспечить безопасность от угроз. В соседстве с Россией есть и рациональный экономический аспект, поскольку торговля с ней считается более благоприятной для роста и структуры экономик Центральной Азии, чем торговля с Китаем (Paramonov, Stokov, 2007). Концепция Узбекистана в этом случае опять отличается от позиции соседей. Для Узбекистана Россия является чужаком в Центральной Азии. Присутствие России должно обязательно быть сбалансировано другими силами. В случае невозможности внутрирегионального балансирования Узбекистан оказывается активно вовлечен в деятельность различных региональных организаций с тем, чтобы выработать политику институционального балансирования. К тому же евразийство как таковое определяется узбекскими аналитиками как гегемония России (Tolipov, 2006).

Россия и Казахстан: интеграционный тандем или два отдельных центра интеграции?

Согласно теориям регионализма интеграция гораздо вероятнее будет иметь место там, где «доброжелательная страна – лидер в регионе стремится к интеграции», при этом будучи готовой к роли двигателя процесса и поставщика ресурсов на продвижение интеграционных проектов (Mattli, 1999). Такая модель может быть использована как индивидуальной страной, так и группой государств, которые будут составлять центр интеграции в данном регионе. В случае с Евразийским интеграционным пространством этим условиям соответствуют Россия и Казахстан. Эти два государства все чаще определяются как стержень интеграции в рамках ЕврАзЭС. Казахстан и его президент едва ли не самые последовательные и стойкие сторонники региональной интеграции на постсоветском пространстве. Нурсултан Назарбаев всегда продвигал идею более тесной интеграции с Россией, в первую очередь, и с остальными странами СНГ. Материализация этих ожиданий в большей степени зависела от России (Brzezinski, Sullivan, 1997: 178–181). В начале 90-х годов российская сторона не слишком активно реагировала на повторяющиеся призывы Назарбаева сыграть роль движительной силы интеграции. Однако ситуация изменилась с начала 2000-х годов, когда Россия приступила к рационализации и укреплению своей политики в ЦА (Kazanstsev, 2008). С тех пор Россия и Казахстан стали активными сторонниками и участниками нескольких региональных проектов на постсоветском пространстве. Оба «взаимно связанных» партнера демонстрируют готовность «пойти по пути интеграции» при помощи реализации инновационных интеграционных проектов (Назарбаев, 2001).

По данным наблюдателей, «стабильное партнерство между Россией и Казахстаном фактически выступает в роли двигателя для Таможенного союза», недавно сформированного в рамках ЕврАзЭС (ИА Region, 2010). Роль Казахстана в евразийских интеграционных процессах тем не менее не ограничивается статусом привилегированного партнера России. Он также становится вторым, независимым центром региональной интеграции и регионализации в Евразии (Винокуров и др., 2010). В результате плодотворных макроэкономических действий, в значительной мере основанных на экономической либерализации и высоком уровне прямых иностранных инвестиций, Казахстан трансформировался в основного экономического и финансового игрока на постсоветском пространстве (Libman, 2008). Это, в свою очередь, привлекает большое количество рабочих мигрантов в Казахстан из соседних стран (Винокуров и др., 2010; Либман, Винокуров, 2010).

Заключение

Одной из доминирующих особенностей литературы по Центральной Азии является ее подход, ориентированный снаружи внутрь, равно как и тот факт, что в этой литературе государствам этого региона отводится очень малая роль или и вовсе никакая. Примером такой литературы могут служить работы Троицкого и Казанцева. Если Троицкий призывает к региональному взаимодействию США и России для управления делами Центральной Азии (Троицкий, 2006), то Казанцев представляет политику рассматриваемого региона как усилия иностранных держав по контролю всего региона в целом или же каких-то его частей (Казанцев, 2008). Выбор между различными моделями, представленными в Центральной Азии, будет зависеть как от степени могущества предлагающей стороны, так и от историко-географических особенностей государств региона. Предоставленные сами себе, страны ЦА оказываются во власти региональной патологии нежелания сотрудничать. Возникает необходимость переоценки такого подхода в свете вышеописанных рассуждений. В случае с ЕврАзЭС были достигнуты ощутимые успехи. И, как видно из обсуждений, не все усилия были реализованы в рамках или благодаря гегемонии России. Центральноазиатские страны готовы и могут сотрудничать в рамках, которые подходят под их видение и политический рационализм. Однако то, что обсуждалось ранее в этой статье, показывает, что эти государства прибегают к посредничеству в своей внешней политике по отношению к проектам регионализма. Тот факт, что они придерживаются различных и порой противоречивых позиций в этих процессах, еще не говорит о несвязности или провале Центральной Азии как региона. Еще одна видимость посредничества стран кроется в их выборе между конкурирующими региональными проектами. В случае с Казахстаном и, в гораздо меньшей степени, Кыргызстаном сознательный выбор долгосрочных региональных проектов с Россией наиболее очевиден. Выбор Таджикистана в какой-то мере диктуется тем фактом, что страна не может ориентироваться на такие персидскоговорящие страны, как Афганистан и Иран. Если это направление будет свободным, позиция Таджикистана по отношению к России и Центральной Азии может быть пересмотрена (Abdullo, 2007).

Во-вторых, как мы можем составить представление о сдвиге от центральноазиатской региональной интеграции к Евразийскому интеграционному пространству? Что объясняет слияние ЦАС с ЕврАзЭС? Является ли это изменением внутри порядка или изменением порядка как такового (Alagappah, 2003)? Существует две теории: если мы сочтем структуру СНГ все еще значимой, тогда это может рассматриваться как качественные изменения внутри порядка. Но если мы решим выйти за пределы СНГ, тогда такие изменения можно интерпретировать как изменения самого порядка. Если же мы будем придерживаться последнего мнения аналитических и политических кругов о необходимости выйти за пределы «постсоветских» и сопутствующих концепций, включая и СНГ, в этом случае то, что мы видим сегодня касательно Евразийского интеграционного пространства, может с легкостью стать изменением порядка как такового и зарождением новой региональной системы.

В первую очередь, эти тенденции подтверждают, что Центральная Азия не является статическим регионом с группой слабых государств, чье посредничество определяется исключительно внешними факторами. Центральная Азия, скорее, должна рассматриваться все-таки как региональная структура, строящаяся и перестраиваемая одновременно. Будучи таковой, она успешно сосуществует с другими альтернативными концепциями, в данном случае с Евразийским интеграционным пространством. Выбор между этими концепциями, лежащий перед заинтересованными странами, зависит не только от внешних факторов, но также от их собственных идей и восприятий касательно идентичности, норм и институтов. Позиции отдельных государств могут варьироваться в соответствии с тем, какая концепция используется для структурирования региональных процессов на постсоветском пространстве, что можно четко проследить в случае с приспособлением российского присутствия к этим процессам. Рассматривается ли гегемония России исключительно с точки зрения власти и реальной политики или же она ассоциируется с влиянием? В этом случае есть также две теории: структура Центральной Азии расценивает Россию как внешнего гегемона, в то время как в евразийских рамках доминирование России объединяется с влиянием. С другой точки зрения, концепция Центральной Азии видит ЕврАзЭС в качестве одного из противоборствующих, ориентированных вовнутрь проектов, навязанных малым государствам Центральной Азии. Такой вывод тем не менее учитывает существенные усилия этих небольших государств и признает их активную и даже проактивную роль в совершенствовании и развитии ЕврАзЭС. Чтобы избежать подобных пояснений, совершенно необходимо привязать некоторые аспекты региональных процессов к евразийскому региональному порядку, который допускает подход «изнутри» к событиям Евразийского интеграционного пространства.

Принятие динамической теории позволит выйти за пределы статического «центральноазиатского» подхода, который неизменно рассматривает продолжающиеся региональные процессы как полные противоречий и патологий. Она также демонстрирует больше понимания и признания сознательных решений отдельных стран региона в том, что касается ви-

дения регионального порядка, идентичности и путей. Пример Узбекистана подтверждает эту идею. Умеренная реакция Узбекистана на многие регионалистские идеи постсоветской эры, в особенности в отношении Центральноазиатского региона, интерпретировались как негативный фактор, искажающий регионализм Центральной Азии. Как следствие, появляется тенденция попытаться вовлечь Узбекистан в региональные проекты, основанные на принципах, в корне отличающихся от политической философии узбекской политической элиты. Это в равной степени подрывает эффективность интеграционных проектов и вносит элемент несогласованности и неопределенности в региональные процессы. В первую очередь, это трактуется Узбекистаном и другими как попытка поддержать гегемонию России. Во-вторых, политическая элита Узбекистана всегда была скептически по отношению к организационным и интеграционным идеям и методам (Сигов, 2009) и постоянно подтверждала приверженность двустороннему подходу во внешней политике (Saifullin, 2008).

Таким образом, эти тезисы и аргументы призывают дать место Евразийскому интеграционному пространству в динамике постсоветского регионализма. Приверженность центральноазиатской региональной интеграции не поможет найти объяснение последним событиям в регионе. Безусловно, евразийский региональный порядок не должен объединяться с банальным присутствием Евразийского экономического сообщества. Регионы и региональные порядки не ограничены региональными организациями и охватывают разнообразные идеи и точки зрения относительно региональной идентичности, норм и идей. Однако споры вокруг региональных организаций могут повлиять на эволюцию региональной идентичности и идей. На постсоветском пространстве создание и развитие ЕврАзЭС дало начало жарким спорам и привело к едва уловимым сдвигам в том, что касается региональной идентичности и регионального восприятия постсоветских и центральноазиатских стран.

Литература

Абдрахманова Г. (2008) Альтернативные проекты региональной интеграции с участием стран Центральной Азии: Некоторые сравнения. *Центральная Азия и Кавказ*. 6: 7–18.

Азизова Г., Хасанов У. (2001) Центральная Азия: между Москвой и Вашингтоном. *Новые Известия*. 27 февраля. Доступно на: <http://www.zonakz.net/articles/13127>.

Азия. Стратегия (2007) *Отчет по международной конференции «Казахстан и Россия: экономические и политические аспекты стратегического партнерства»*. Доступно на: www.asiastrategy.ru.

Акаев А. (2003) Куда идет Центральная Азия? *Россия в глобальной политике*. 4. Доступно на: www.globalaffairs.ru.

Асадуллаев И. (2010) *Современное евразийство: взгляд из Таджикистана*. 24 февраля. Доступно на: www.centrasia.ru.

Винокуров Е., Либман А., Максимчук Н. (2010) Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии. *Евразийская экономическая интеграция*. 2(7): 5–32.

ВЦИОМ (2008) Друзья и враги России на постсоветском пространстве. *Пресс-релиз 1102*. Доступно на: www.wciom.ru.

Голунов С. (2003) *Вопросы безопасности в современных исследованиях Центральной Азии в России и США: Политическая конъюнктура и стереотипы*. Центр региональных и трансграничных исследований при Волгоградском государственном университете. Доступно на: <http://transbound.narod.ru>.

Дойче Велле (Deutsche Welle) (2009) *Казахстанский эксперт: Региональная интеграция в Центральной Азии проблематична*. 15 мая. Доступно на: www.dw-world.de.

Жукеев Т., Касенова Н. (2007) Приоритеты внешнеполитической ориентации Казахстана. *Окна в НАТО – Windows on NATO*. 19 марта. Доступно на: <http://nato.w-europe.org>.

Институт общественной политики (2007) *Перспективы создания союза центральноазиатских государств*. Круглый стол. Доступно на: www.ipp.kg.

Информационное агентство Regnum (2008) *Таджикский эксперт: Назарбаев не имеет никаких шансов осуществить проект Центральноазиатского союза*. Доступно на: www.regnum.ru.

Информационное агентство Regnum (2010) *Эксперт: Беларусь превращается в военный форпост Китая в Европе*. 25 марта. Доступно на: www.regnum.ru.

Казанцев А. (2008) *Большая игра с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия*. Наследие Евразии. Москва.

Казахстанская правда (2002) Саммит на высоте. 28 февраля. Доступно на: www.kazpravda.kz.

Касенов У. (документ у автора) *Безопасность Центральной Азии: Национальные, региональные и глобальные проблемы*.

Касенов У. (документ у автора) *Интеграционные и дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве: взгляд из Казахстана*.

Концепция внешней политики Кыргызстана (2007) Доступно на: www.ia-centr.ru.

Кудрин А. (2008) ЕврАзЭС превратится в одну из устойчивых мировых зон экономического роста. *Известия*. 25 марта. Доступно на: <http://www.izvestia.ru/eurasec/article3114404/>.

Либман А. (2009) Интеграция снизу в Центральной Азии. *Евразийская экономическая интеграция*. 1(2): 6–26.

Масов Р. (2003) *Прошлое, настоящее и будущее отношение Таджикистана к России*. Душанбе.

Материалы с конференции в г. Худжанде (2007) *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы*. Общественный фонд Александра Князева. 26–28 июня. Доступно на: www.knyazev.org.

Назарбаева Д. (2003) *Специфика и перспективы политического развития Казахстана*. Бюллетень. 3. Международный институт современной политики. Доступно на: www.iimp.kz.

Назарбаев Н. (2001) Интервью. *Независимая Газета*. 28 декабря. Доступно на: www.kazpravda.kz.

Назарбаев Н. (2009) Евразийский экономический союз: теория или реальность? *Известия*. 19 марта. Доступно на: www.akorda.kz.

Омаров Н. (2008) *Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: Поиски стратегии развития*. Friedrich Ebert Stiftung. Бишкек.

Панарин С. (2000) Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона. *Вестник Евразии*. 1.

Примбетов С. (2004) ЕврАзЭС и Всемирная торговая организация. *Казахстан-Спектр*. 3(29): 3–9.

Сигов Ю. (2009) Узбекистан будет проводить самую независимую в Центральной Азии политику. *Деловая Неделя Казахстана*. 13 января. Доступно на: www.ca-news.org.

Толипов Ф. (1999) Сравнительный анализ интеграции в СНГ и в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*.

Торобаева М. (2009) Политсистема Центральной Азии: Назад в будущее. *Республика*. 30 июля. Доступно на: www.respublika-kz.info.

Чубайс А. (2003) Миссия России в XXI веке. *Независимая Газета*. 10 января.

Abdullo R. (2007) Tajikistan and Regional Integration in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 44(2).

Acharya A. (1997) Ideas, identity, and institution-building: From the «ASEAN Way» to the Asia-Pacific Way? *The Pacific Review*. 10(3): 319–346.

Acharya A. (2000) *Constructing A Security Community In Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order*. Routledge.

Acharya A. (2003) «Regional institutions and Asian Security Order» in Alagappah, (editor). *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford University Press.

Acharya A. (2007) The Emerging Regional Architecture of World Politics. *World Politics*. 59(4): 629–652.

Acharya A., Johnston, A. (eds) (2008) *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective*. Cambridge University Press. p. 330.

Alagappah M. (ed.) (2003) *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford University Press.

Allison R. (2008) Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian survey*. 27(2): 185–202.

Asian Development Bank (2006) *Central Asia: Increasing gains from trade through regional cooperation in trade policy, transport, and customs transit*. Manila. p. 149.

Balassa B. (1962) *The theory of economic integration*. London: Allen & Unwin. p. 304.

Beeson M., Jayasuriya K. (1998) The Political Rationalities of Regionalism: APEC and the EU in comparative perspective. *The Pacific Review*. 11(3): 316.

Beeson M. (2005) Rethinking regionalism: Europe and East Asia in comparative historical perspective. *Journal of European Public Policy*. 12(6): 969–985.

Bohr A. (2004) Regionalism in Central Asia: New geopolitics, old regional order. *International Affairs*. 80(3): 485.

Bremmer I., Bailes A. (1998) Sub-regionalism in the Newly Independent States. *International Affairs*. 74(1): 131–147.

Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*.

Brzezinski Z., Sullivan P. (1997) *Commonwealth of Independent States: Documents, data and analysis*. M. E. Sharpe. p. 866.

Bull H. (2002) *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. preface by A. Hurrell and S. Hoffmann. 3rd edition. Columbia University Press.

Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and Powers: The structure of international security*. Cambridge University Press. p. 564.

Cerexhe E. (2003) L'intégration juridique comme facteur d'intégration régionale. *Mélanges offerts à Silvio Marcus Helmans*. Bruylant. p. 29.

Collins K. (2009) Economic and Security regionalism among patrimonial authoritarian regimes: the case of Central Asia». *Europe-Asia Studies*. 61(2): 249–281.

Cooper A., Hughes C., De Lombaerde P. (eds) (2008) *Regionalisation and global governance: The taming of globalization*. Routledge. London. p. 279.

De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F. The problem of Comparison in Comparative regional integration.

Deutsch K.W. et al. (1957) *Political Community and North Atlantic Area*. Princeton: Princeton University Press.

EU-GRASP: European Union as Global and Regional Actor in Security and Peace, 7th Framework Project. Available at: <http://www.eugrasp.eu/>.

- Emerson M., Vinokurov E. (2009) *Optimisation of Central Asian and Eurasian Trans-Continental Land Transport Corridors*. CEPS EUCAM Working Paper 07. Available at: www.eucentralasia.eu, www.eabr.org/eng/publications/initiative/.
- Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. (eds) (2005) *Global politics of regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press. p. 321.
- Fawcett L., Hurrell A. (eds) (1995) *Regionalism in World Politics: Regional organization and international order*. Oxford: Oxford University Press. p. 360.
- Flikke G., Wilhelmsen J. (2008) Central Asia: A Testing Ground for New Great-Power Relations. *NUPI Report*. Norwegian Institute of International Affairs. p. 62.
- Galamova V. (2007) Central Asia and China: New horizons of international regionalization. *Central Asia and the Caucasus*. 3(45): 76–106.
- Gamble A., Payne A. (eds) (1996) *Regionalism and world order*. London: Palgrave Macmillan.
- Goh E. (2007/2008) Great powers and hierarchical order in Southeast Asia. *International Security*. 32(3).
- Haas E. (1975) *The Obsolescence of Regional Integration Theory*. Berkeley: Center for International Studies.
- Hettne B. (2008) Regional actorship and Regional agency: Comparative perspectives. *The 6th Garnet PhD School*. Brussels.
- Hurrell A. (2007) *On Global Order: Power, Values and the Constitution of International Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Katzenstein P. (2005) *A world of regions: Asia and Europe in the American imperium*. Cornell University Press.
- Kazanstsev A. (2008) Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region. *Europe-Asia Studies* 60(6): 1073–1088.
- Khasanov U. (2005) On modern geopolitical pluralism or One-Nation hegemonism. *Central Asia and the Caucasus*. 4(34): 29–36.
- Khudonazar A. (2004) The Other. *Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies Working Papers Series*. p. 23.
- Klabbers J. (2005) Two concepts of international organization. *International Organizations Law Review*. 2: 277–293.
- Kösler A., Zimmek M. (eds) (2009) *Elements of regional integration: A multidimensional approach*. Nomos. p. 278.
- Lake D. (2009) Regional hierarchy: authority and local international order. *Review of International Studies*. 35(S1): 35–58.
- Lake D., Morgan P. (1997) *Regional orders: Building security in a new world*. Penn State Press. p. 424.

Libman A., Vinokurov E. (2010) *Is it really different? Patterns of regionalisation in the post-Soviet Central Asia*. MPRA Paper no. 21062.

Libman A. (2008) Regionalisation and regionalism in the post-Soviet space: Current status and implications for institutional development. *Europe-Asia Studies*. 59(3): 401–430.

Mansfeld E., Milner, H. (1999) The New Wave of Regionalism. *International Organization*. 53(3): 589–627.

Masov R., Dzumaev F. (1991) Vers une federation de l'Asie centrale. *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. 59(1): 157–162.

Mattli W. (1999) *The logic of regional integration: Europe and beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.

MERCURY: Multilateralism and the EU in Contemporary Global Order <http://www.mercury-fp7.net/>. Moreau-Defargues P. (1998) *L'ordre mondial*. Armand Colin.

Paasi A. (2009) The resurgence of «Region» and «Regional identity»: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. *Review of International Studies*. 35:121–146.

Paramonov V., Stokov A. (2007) Economic involvement of Russia and China in Central Asia. Conflict Studies Research Center, Central Asian Series, Defence Academy of the United Kingdom. p. 11.

Pomfret R. (2009) Regional integration in Central Asia. *Econ. Change Restruct.* 42: 47–68.

Schermers H., Blokker N. (2004) *International Institutional Law: Unity Within Diversity*. Martinus Nijhof Publishers.

Rumer E., Trenin D., Zhao H. (2007) Central Asia: Views from Washington. Moscow, Beijing, with an Introduction by Rajan Menon, M.E. Sharpe. p. 224.

Saifulin R. (2008) New Independent States in Central Asia: Security, External affairs and Partnerships. A View from Uzbekistan. *Eurasian Home*. Available at: <http://www.eurasianhome.org>.

SFDI (1976) *Régionalisme et universalisme dans le droit international contemporain*. Colloque de Bordeaux. Paris: Pedone.

Shlapentokh D. (2007) Dugin, Eurasianism, and Central Asia. *Communist and Post-Communist Studies*. 40: 143–156.

Sorensen G. (2006) What Kind of World Order? The International System in the New Millennium'. *Cooperation and Conflict*. vol. 41 no. 4: 343–63.

Spechler M. (2000) Regional non-cooperation: Central Asian pathology. *Nato Review*.

Telo M. (ed.) (2007) *European Union and New Regionalism*. Ashgate. Second edition.

Tolipov F. (2004) On the role of Central Asian Cooperation Organization within the SCO. *Central Asia and Caucasus*. 3.

Tolipov F. (2005) CACO merges with EEC: the third strike on Central Asia's independence. *CACI Analyst*. October, 19. Available at: www.cacianalyst.org.

Tolipov F. (2006) Central Asia is a region of Five Stans: Dispute with Kazakh Eurasianists. *Central Asia and the Caucasus*. 2(38): 17–26.

Troitskiy M. (2006) Institutionalizing US-Russian Cooperation in Central Eurasia. *Kennan Institute Occasional Paper*. 293: 20.

UNDP (2005) *Central Asia Human Development Report – Bringing down Barriers: Regional cooperation for human development and human security*.

Van Langenhove L., Marchesi, D. (2008) The Lisbon Treaty and the Emergence of third generation regional integration. *European journal of law reform*. Vol. X (4): 477–496.

Vinokurov E. (2008) Introduction. *EDB Eurasian Integration Yearbook*. Eurasian Development Bank. Almaty.